

УДК 316.72
EDN RCQSLR
doi: 10.17072/2949-5601-2025-2-67-76

Яковлева Валерия Валерьевна,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры культурологии и социально-гуманитарных технологий
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15
valeria.yakovleva@gmail.com
ORCID 0000-0002-0406-3119

Сапожникова Ольга Евгеньевна,
студент направления «Культурология»
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15
olya.sapozhnikova.05@mail.ru

«Я НЕ ОДНА»: РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЭМОЦИЙ ЖЕНЩИНЫ В УСЛОВИЯХ СТАНОВЛЕНИЯ ГОРОДСКОЙ НУКЛЕАРНОЙ СЕМЬИ НА ПРИМЕРЕ ПОВЕСТИ Н.В. БАРАНСКОЙ «НЕДЕЛЯ КАК НЕДЕЛЯ»

Статья посвящена исследованию эмоционального опыта советской женщины в условиях трансформации городской культуры периода активного строительства индивидуального жилья на примере повести Н.В. Баранской «Неделя как неделя». Внутренний конфликт героини складывается из-за стремления соответствовать ожиданием общества: быть и хорошей матерью, и хозяйкой, и успешной работницей. Однако жизнь в нуклеарной семье и тяготы двойной нагрузки приводят ее к нервному срыву и внутрисемейному конфликту. На основе теории модернизации и тезиса К. Гирца об эмоциях как неотъемлемой части культуры рассматривается другая сторона трансформационных процессов в советской культуре в послевоенный период. Делается вывод о том, что повесть Н.В. Баранской зафиксировала факт о том, что традиционное распределение семейных обязанностей в новых условиях приводит к эмоциональным и физическим перегрузкам женщины; также повесть выступила не только первым открытым социальным высказыванием в защиту советских женщин, но и текстом, выполняющим функцию их эмоциональной поддержки.

Ключевые слова: эмоции, городская культура, нуклеарная семья, послевоенное советское общество, гендерные роли.

Ссылка для цитирования: Яковлева В.В., Сапожникова О.Е. «Я не одна»: репрезентация эмоций женщины в условиях становления городской нуклеарной семьи на примере повести Н.В. Баранской «Неделя как неделя» // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. – 2025. – № 2(13). – С. 67–76. <http://dx.doi.org/10.17072/2949-5601-2025-2-67-76>.
EDN RCQSLR

Valeria V. Yakovleva,

PhD in History,

Associate Professor of the Department of Cultural
Studies and Socio-Humanitarian Technologies

Perm State University

15 Bukireva st., Perm, 614068

valeria.yakovleva@gmail.com

ORCID 0000-0002-0406-3119

Olga E. Sapozhnikova,

Student of the Direction "Cultural Studies"

Perm State University

15 Bukireva st., Perm, 614068

olya.sapozhnikova.05@mail.ru

**"I AM NOT ALONE": THE REPRESENTATION OF A WOMAN'S EMOTIONS
IN THE CONTEXT OF THE FORMATION OF AN URBAN NUCLEAR FAMILY
ON THE EXAMPLE OF N.V. BARANSKAYA'S NOVELLA "A WEEK LIKE A WEEK"**

The article is devoted to the study of the emotional experience of a Soviet woman in the context of the transformation of urban culture during the period of active construction of individual housing using the example of N.V. Baranskaya's novella "A Week like a Week". The heroine's internal conflict develops due to the desire to meet the expectations of society.: be a good mother, a housewife, and a successful employee. However, living in a nuclear family and the hardships of a double burden lead her to a nervous breakdown and intra-family conflict. Based on the theory of modernization and the thesis of K. Geertz's theory of emotions as an integral part of culture examines the other side of the transformation processes in Soviet culture in the post-war period. It is concluded that N.V. Baranskaya's story documented the fact that the traditional distribution of family responsibilities in new conditions leads to emotional and physical overloads of women, and the story was not only the first open social statement in defense of Soviet women, but also a text that performs the function of their emotional support.

Keywords: emotions, urban culture, nuclear family, post-war Soviet society, gender roles.

For citation: Yakovleva V. V., Sapozhnikova O.E. ["I am not alone": the representation of a woman's emotions in the context of the formation of an urban nuclear family on the example of N.V. Baranskaya's novella "A Week like a week"]. *Social'nye i gumanitarnye nauki: teoriya i praktika* [Social Sciences and Humanities: Theory and Practice], 2025, issue 2 (13), pp. 67–76 (In Russian), <http://dx.doi.org/10.17072/2949-5601-2025-2-67-76>, EDN RCQLR

Еще в 1941 году Лусьеен Февр в своей статье «Чувствительность и история» [11] призывал историков рассматривать эмоции как ключевую часть своих исследований. Именно с публикации этой статьи начинается изучение эмоций в гуманитарных науках, не связанных напрямую с исследованиями в области психологии.

Интерес к изучению эмоций как феномена культуры в российской академической традиции активно начинает проявляться в XXI в. Поиск нового предметного поля, новых методологических подходов, необходимость найти ответы на многочисленные сложные вопросы современности заставляет специалистов различных гуманитарных дисциплин обращаться к исследованию эмоций. При этом в исследовательском фокусе могут оказаться не только привычные сюжеты и темы, но и появляться новые, обусловленные сменой исследовательского метода.

В настоящей статье мы попытаемся рассмотреть типовой для изучения истории и культуры советского общества сюжет о становлении новой городской культуры в послевоенный период и рассмотрим его с точки зрения исследования эмоций. По утверждению К. Гирца, «наши идеи, наши ценности, наши действия, даже наши эмоции, так же как и сама наша нервная система, являются продуктами культуры – продуктами изготовленными...» [4, с. 62], следовательно, если продолжить мысль, точно также ценности, идеи и действия влияют на поведение человека, на понимание им своего места в окружающем мире, составляют часть его образа жизни и передаются последующим поколениям.

Источником для анализа выступает повесть Натальи Баранской «Неделя как неделя», которая была опубликована в 1969 году в журнале «Новый мир». Сюжет повести прост – это дневниковое изложение событий одной недели середины декабря от лица молодой москвички, сотрудницы одного из столичных НИИ, молодой жены и матери двух маленьких детей. Ольга и ее муж Дима – первое поколение горожан, которые живут нуклеарной семьей. У них нет старших родственников, зато есть отдельная трехкомнатная квартира, площадь которой 36 м², в новом районе Москвы.

В понедельник в начале рабочего дня на своем рабочем столе главная героиня, Ольга Воронкова, находит анкету, которую она должна заполнить к концу недели. Задача этой анкеты – изучение структуры времени советской работающей женщины. Размышления по поводу этой анкеты и «запускают» записи героини о своем типичном графике.

Эта повесть неоднократно становилась предметом исследований в академической среде. Обычно ее рассматривают в рамках гендерных исследований как первое феминистическое высказывание в советской культуре [см. например: 3; 7].

Американские исследователи Кевин Платт и Бенджамин Натанс использовали материалы этой повести для своей статьи «Социалистическая по форме, неопределенная по содержанию: позднесоветская культура и книга Алексея Юрчака “Все было навечно, пока не кончилось”», в которой они стремятся подискутировать с А. Юрчаком и даже опровергнуть его концепцию о дискурсивной готовности советской системы к распаду, которая сформировалась в процессе перформативного сдвига в позднесоветский период. Авторы этой статьи на примере повести Н. Баранской стремятся доказать, что зазор между официальным языком и индивидуальным опытом был очень велик, и, таким образом, совокупность этих индивидуальных опытов не может быть рассмотрена как система, приводящая к перформативному сдвигу [9].

В рамках данной статьи мы не будем спорить ни с одной из существующих теорий, а попытаемся вслед за Л. Февром посмотреть на историческую ситуацию сквозь призму индивидуального эмоционального опыта. Нам представляется, что это позволит расширить понимание социальных и культурных процессов, которые происходили в советском обществе в период ключевых социальных трансформаций второй половины XX в. Именно социокультурные изменения послевоенного периода, согласно «теории модернизации», лежат в основе современного общества с его социальной структурой, городской культурой, нуклеарной семьей и многими другими привычными современному человеку феноменами. Повесть «Неделя как неделя» безусловно является ярким социальным высказыванием. К. Платт и Б. Натанс в своей статье безапелляционно называют ее показателем «общих тенденций в социальной истории позднего советского периода» [9].

Сама автор в своей автобиографии скромно обозначает, что «повесть имела шумный успех» [2, с. 136]. Причин этого успеха она не называет, как, впрочем, и не описывает, как именно он проявлялся. Однако, судя по короткой ремарке Н. Баранской о том, что после публикации двери редакций закрылись перед ней, становится понятно, что повесть была воспринята как опасная. Это Наталья Владимировна подтверждает, указывая, что «повесть не была одобрена “верхами”, ... ее определили, как “ошибку идеологического контроля”», и даже было высказано, что «“она должна была написать докладную записку о трудном положении женщины”» [2, с. 136].

Жизненный мир (в понимании А. Щюца) главной героини повести Ольги Воронковой мы разделили на три главных сегмента: семья, работа и пребывание в городском пространстве (использование общественного транспорта, покупка продуктов и т. п.). Мы будем фиксировать эмоции героини по поводу ситуаций, которые происходят в каждой из этих сфер. В результате должен получиться срез эмоций молодой женщины, осваивающей новое социальное пространство крупного советского города, который вместе со своими жителями переживает процессы больших трансформаций.

В послевоенный период жилищные условия большинства советских граждан были неудовлетворительными. Значительная их часть жила в бараках, коммуналках, подвалах, ветхих домах и землянках, поскольку строительство нового жилья отставало от роста городского населения. Лишь некоторым категориям граждан выделялось индивидуальное жилье, например, за заслуги перед Родиной или из-за тяжелых заболеваний. Так было и до войны, но после нее многие дома были разрушены.

Жилищная проблема стала настолько острой, что новое советское руководство в лице Н.С. Хрущева начало принимать меры по ее решению, в том числе меры по улучшению инфраструктуры крупных городов в целом. В «верхах» началось обсуждение текущего состояния архитектуры и строительства. На XX съезде КПСС в 1956 г. решили, что вычурность и изысканность в архитектуре должны отойти на второй, если не на последний план, поскольку была нужда в широкомасштабном строительстве при минимальных затратах. Цель – моделирование типового проекта, по которому будет производиться массовая застройка и формирование новых микрорайонов.

В своей статье А.В. Жидченко, ссылаясь на журнал «Советская женщина», отмечает: «Основной жилой единицей городского пространства становится микрорайон, который был призван отвечать потребностям повседневной жизни советского человека, советской женщины. Это был новый принцип советского градостроительства: “...Где бы, в каком бы городе ни поселился человек, ему должно быть удобно и хорошо. Надо, чтобы недалеко от дома находились детский сад и школа, магазины и зеленый парк, библиотека и кинематограф, спортивная площадка и клуб. Тогда не надо будет часто ездить в центр, не придется в троллейбусе возить ребенка в детский сад, не нужно будет отправляться куда-то далеко, чтобы сшить новое платье...”» [6]. Похожим образом объясняет этот принцип А.Г. Григорьева: «Под словом “микрорайон” подразумевался участок города до 60 гектаров, на котором кроме жилых домов размещались школы, детские сады и ясли, магазины, столовые, комбинаты бытового обслуживания, сад на три гектара и комплекс спортивных площадок» [5]. Соответственно, постепенно в микрорайонах появлялись досуговые заведения – кинотеатры, парки, клубы-кружки, спортивные площадки; развивалась медицина – больницы массово строились по районному принципу (за каждой поликлиникой закреплялись жители ближайших домов).

Вместе с получением индивидуального жилья у граждан появляются в шаговой доступности детские образовательные учреждения, больницы, пространства для досуга, а также бытовые удобства.

Однако не все было так хорошо, как ожидалось. Инфраструктурные постройки все же были не первоочередные, и на основную цель (строительство домов) тратилось огромное количество ресурсов. Из-за этого новоиспеченным обладателям жилья приходилось посещать магазины в центре города, где часто располагалась и их работа, поскольку микрорайоны формировались практически с нуля на отдаленных от центра еще неосвоенных территориях. Детских садов и школ часто не хватало, учились в 2–3 смены, в больницах была большая загруженность. Развитие общественного транспорта также не успевало за ростом городского населения, за жилищным строительством. Таким образом, нуклеарная семья оказывается в новых условиях, к которым приходится приспосабливаться, чтобы сделать свою повседневную жизнь комфортной настолько, насколько это возможно.

Прежде чем мы перейдем к систематизации и анализу эмоций героини, хотелось бы сделать несколько технических уточнений. Мы пользовались электронной версией текста повести [1], поэтому все цитаты будем приводить по ней. Выделять цитаты будем при помощи обычного правила оформления цитат курсивом, но ссылки после каждой цитаты на электронный документ приводить не будем, т. к. вычленить страницы в электронном документе невозможно. Второе уточнение связано с обозначением эмоций. Частично автор сама называет эмоции, которые испытывает героиня, мы будем пользоваться именно этими обозначениями. Частично она описывает общее состояние героини и ситуацию, в таких случаях мы будем сами называть эмоции.

По сюжету повести, советское социальное государство дало молодой нуклеарной семье такие блага: новую квартиру в новостройке, сад и ясли для детей с раннего возраста, возможность взять больничный лист на время детских болезней. Таким образом, мы заходим в жизненный мир героини в тот момент, когда в ее биографии «большие» и личные, и социальные задачи уже решены. Н. Баранская ставит перед нами вопрос: а что дальше? Как люди будут адаптироваться к жизни в этих новых, с точки зрения больших процессов, комфортных условиях? На эти вопросы автор и дает свой весьма неоднозначный ответ.

Итак, героиня имеет интересную, перспективную работу, которой она дорожит. «*Я молчу. Я люблю свою работу. Я дорожу тем, что самостоятельна. Я работаю охотно.*». Исследования, которые она проводит, вызывают у нее неподдельную увлеченность и даже азарт: «*Начну с маятникового копра. Замеряю первый бруск, закрепляю. Устанавливаю угол зарядки. Отпускаю маятник. Удар! Образец выдержал. Теперь увеличим нагрузку. Что это, я волнуюсь? Спортивный азарт. Ставка на стеклопласт-2: выдержит – не выдержит? Образец не разбивается при максимальной силе удара. Ура! Или еще рано кричать “ура”? Испытания на прочность на этом ведь не кончаются... А растяжение? Сжатие? Твердость?*». Погружаясь в работу, Ольга чувствует свою силу, возможности и удовлетворенность собой: «*Я систематически просматриваю американские и английские издания по стройматериалам: у нас всегда, а в ленинской, научно-технической, патентной – когда удаётся выбраться. Я довольна, что занималась английским серъезно еще со школы. Полистать минут двадцать журналы после двух-трех часов работы – это отдых и удовольствие.*». Над проектом она работает не одна, а вместе с двумя коллегами (тоже женщинами), с которыми у них сложились настоящие доверительные отношения: «*Мы все знаем друг про*

друга ... она сама видит, что со мной что-то не так. Обняв меня за плечи и чуть притянув к себе, она говорит нараспев, покачиваясь вместе со мной: – Не волнуйся ты, Оля».

Сложности, которые Ольга испытывает на работе, связаны с несколькими факторами. Во-первых, она часто опаздывает из-за долгой дороги на работу и плохо организованной работы общественного транспорта, за что получает тяжелый разговор с начальником: «Я бормочу что-то про ледяные тропки и сугробы в нашем необжитом квартале, про автобус, который приходит на остановку переполненным, про страшную толпу на «Соколе»». Это порождает у Ольги чувство стыда и страха, что ее уволят. Во-вторых, испытания стеклопластика, которые она проводит, зависят от графика лаборатории, которой пользуется весь институт. По сюжету события происходят в середине декабря и срок сдачи уже совсем близок к концу, а работы еще много. Из-за этого Ольге приходится упрашивать лаборантку Валю, терпеть ее резкие, даже хамоватые ответы, лишь бы получить время для испытаний: «Валя куда-то вышла. Опять! Оставляю ей записку, в которой все, кроме одной фразы, неправда: «Валечка, милая, выручайте! Сомневаемся в прочности доработанной массы. Без испытаний у вас все остановилось. На меня сердится Я. П. Второй день не могу вас застать» ... С четырех? Это слишком поздно! – Объясняю Вале, но она не понимает. – Вы просили, вот я вам и даю. – Нельзя ли начать хоть на часик пораньше, хоть на одной установке? – Нет, нельзя ... Уж не знаю. Решайте... А то отдам другим. Желающих много... Нет уж, не устраивайте мне тут обменное бюро – и так у нас проходной двор...».

В пятницу на работе у Ольги случается истерика, которая является кульминацией переживаний из-за сложностей на работе и дома. Ольга не может найти график с записью испытаний, а оказывается, что он лежит прямо перед ее глазами: «Я беру лист, он раскрывается и превращается в мой график. Меня разбирает смех, я просто трясусь от смеха, закрываю рот руками, чтобы не было слышно, и смеюсь до слез. Смеюсь и не могу перестать. Люся хватает меня за руку, тащит в коридор ... Я стою, прижавшись спиной к стене, слезы текут у меня по щекам, и тихо постанываю от смеха. – Оля, ты псих, – говорит Люся, – поздравляю, у тебя истерика!».

Город, а по сюжету это активно развивающаяся и застраивающаяся Москва, представляет для Ольги дополнительные источники сложностей и препятствий, которые ей необходимо преодолевать.

Каждый рабочий день Ольги начинается долгим и трудным путем, и заканчивается им же. Ей приходится задействовать несколько видов общественного транспорта – троллейбус, автобус, метро. При этом часто она едет с тяжелыми сумками, наполненными продуктами, – приходится покупать их в центре города, поскольку рядом с домом магазины еще не построили. «Я лично увлекаюсь спортом – бегом. Туда бегом – сюда бегом. В каждую руку по сумке и... вверх – вниз: троллейбус – автобус, в метро – из метро. Магазинов у нас нет, живем большие года, а они еще недостроены». Например, в пятницу она описывает, как добирается до дома так: «Путь к дому сегодня нелегок. В руках две тяжеленные сумки – куплено все, кроме овощей. В метро приходится стоять – одна сумка в руках, другая под ногами. Толкучка... Наконец «Сокол». Все высекают и бросаются к узким лестницам. А я не могу – пакеты с молоком, яйца. Плетусь в хвосте. Когда подхожу к автобусу, очередь машин на шесть. Попробовать сесть в наклонившуюся? А сумки? Все же я пытаюсь влезть в третий автобус. Но сумки в обеих руках не дают мне ухватиться, нога срывается с высокой ступеньки, я сильно ударяюсь коленкой, в этот момент автобус трогается. Все кричат, я визжу. Автобус останавливается, какой-то дядька, стоящий у дверей, подхватываета-

ет меня и втягивает, я валюсь на свои сумки. Колено болит, в сумке наверняка яичница. Зато мне уступают место. Сидя я могу взглянуть на коленку, на дырявый чулок в крови и грязи, открыть сумки и убедиться, что раздавлено лишь несколько яиц и смят один пакет молока. Ужасно жалко чулки – трехрублевая пара!». Во фрагменте прослеживается, что Ольга словно рационально рассуждает, но при этом с усталостью и грустью, о том, как ей быстрее пробраться к автобусу. Заметно, что этот настолько тяжелый эмоционально и физически процесс стал обыденностью, с которой она мирится. Обычно мужчины в общественном транспорте не уступают ей место, а даже нарочито притворяются спящими, но, когда на глазах у всех она упала, ей помогли встать и освободили место. Не менее интересно и то, что больше всего ей в этой ситуации обидно за порванные чулки. Вероятнее всего, это связано с ограниченным доступом к текстильным товарам.

Не только с транспортом есть трудности, но и, как уже было упомянуто ранее, с магазинами. Даже при том, что Ольга работает в центре города, где магазинов достаточно, в них часто большие очереди, особенно в вечернее время, а еще продукты надо покупать каждый день, что занимает много времени. В силу этих обстоятельств она и ее коллеги придумали ходить за продуктами по очереди: *«Такое у нас правило – покупать продукты сразу для всех. И перерыв себе выпросили с двух до трех, когда в магазинах меньше народа».* В среду была очередь Ольги формировать «заказ» и во время перерыва отправляться за покупками: *«С видом угрюмым и замкнутым покупаю я в гастрономическом отделе три полкило масла, шесть бутылок молока, три – кефира, десять плавленых сырков, два кило колбасы и дважды по триста граммов сыра. Очередь сносит это терпеливо, но под конец кто-то вздыхает приторно: – А все жалуются – денег мало».* Кажется хорошим, что Ольга и ее коллеги придумали способ облегчить себе жизнь хотя бы в приобретении продуктов, однако и здесь есть недостаток – приходится сталкиваться с непониманием окружающих.

Большую часть переживаний и радостей, мыслей и действий, времени и усилий занимает в Ольгином жизненном мире семья. Как уже было сказано в самом начале, у нее есть муж и двое маленьких детей – старший мальчик и младшая девочка, как она их называет – Котька и Гулька. Родственников старшего поколения, которые могли бы помочь с детьми или взять на себя часть обязанностей Ольги, у молодой семейной пары нет. *«Димина мать нянчит внуков от дочери, живет на другом конце Москвы; моя мама умерла; тетя Вера, у которой я жила, когда отец снова женился, осталась в Ленинграде, а моя московская тетя Соня, ужасно боится детей. Некому нас отпускать, что делать...».* Живут они в новостройке в отдаленном по тем временам районе, а значит соседей, которые могли бы подстраховать, тоже нет.

Повесть была опубликована в 1969 г., Ольге по сюжету 26 лет, ее муж Дима старше ее на два-три года, значит они оба – дети военного времени, при этом первое поколение, которое начинает свою самостоятельную жизнь в принципиально новых условиях активного жилищного строительства. Оля и Дима – молодые перспективные сотрудники научно-исследовательских институтов (о Диме мы знаем только то, что он работает в «ящике», т. е. в секретном конструкторском бюро, что он закончил технический институт по строительной специальности) и отдельную квартиру от государства получили быстро.

Молодая семья вынуждена приспосабливаться к жизни без помощников, подстраиваться под режим работы детского сада, брать больничные на время болезни детей и отказывать себе в любом отдыхе вне дома и без детей. Домашние обязанности в семье распределены традиционным образом: уход за детьми, стирка, приготовление еды, покупка продуктов

(кроме овощей), гладжка – это обязанности Ольги; Дима выносит мусор, отводит детей в сад и забирает их оттуда, в выходные покупает овощи и относит белье в прачечную. Домой он всегда возвращается раньше супруги, потом они вместе с детьми ждут Ольгу с работы, чтобы она приготовила на всех ужин. В четверг, когда Ольга сильно задержалась на политзанятии и приехала домой только в 9 часов вечера, Дима накормил детей хлебом с кабачковой икрой и молоком. На попытку Ольги указать ему на эту ошибку он отреагировал следующим образом: «*Откуда я знаю, – буркнул Дима и опять уткнулся в журнал*». Дима не умеет делать многое и даже не считает нужным осваивать навыки ведения хозяйства и ухода за детьми, а также взять хотя бы часть Ольгиных обязанностей. Когда она утром, опаздывая на работу, собирает двух раскачивавшихся детей в сад, он не помогает ей, а спокойно доедает свой завтрак: «*Уже без десяти семь, а Дима все еще ест. Пора одевать детей, быстро, обоих сразу, чтоб не вспомнили. Дай же мне выпить кофе, – ворчит Дима. Я сажаю ребят на диван, приволакиваю весь ворох одежек и работаю за двоих: носки и носки, одни рейтзузы, другие рейтзузы, джемпер и кофта, косынка и другая, варежки и... – Дима, где Котькины варежки?*» Дима отвечает: – «*Почем я знаю, – но бросается искать и находит их в неподожденном месте – в ванной. Сам их туда и сунул вчера*». Свое раздражение, которое считывается в последней фразе Ольга уносит с собой. «*Последние слова друг другу: – “Заперла двери?” – “Деньги у тебя есть?” – “Не беги как сумасшедшая”. – “Ладно, не опаздай за ребятами”* (это я кричу уже снизу), – и мы расстаемся».

Романтических, нежных проявлений своей привязанности у Ольги к мужу нет, на них у нее просто не остается времени и сил: «*Я еще слышу сквозь сон, как ложится Дима, но не могу открыть глаза, не могу ответить на какой-то его вопрос, не могу поцеловать его, когда он целует меня...*». При этом она несколько раз повторяет, что они с мужем любят друг друга, в повести подробно описывается начало их отношений, первое время после свадьбы, когда они смогли уехать на несколько недель в Крым и были счастливы. История отношений Оли и Димы до рождения детей – это идеальное воплощение соцреалистического канона из фильмов, газетных публикаций и художественных полотен: молодые, красивые, спортивные, с комсомольским задором начинают строить свою семью. Однако такой канон не включал в себя отцов, которые моют посуду, меняют пеленки детям, готовят ужин и делают сотни других «незаметных» домашних дел (изучению института отцовства и фигуры отца в советской культуре посвящено достаточное количество исследовательской литературы – см. например: [8, 10]).

По отношению к детям Ольга декларирует безграничную любовь: «*Я так люблю наших маленьких дурачков*», а также испытывает постоянную тревогу за них и огромное чувство вины перед ними: «*Я сама чуть не плачу – так мне жалко малыша, так ужасно тащить его, такого обиженнего, силком. И страшно: весь потный, еще простудится*». Другая ситуация, когда она отправляет утром в ясли дочку, которой ночью стало плохо с животом после кабачковой икры с молоком: «*А мысли мои вьются вокруг ребят. Мы отвели Гульку в ясли, хотя следовало бы оставить ее дома. Оставить на один день можно и без справки, но без справки не можем обойтись ни я, ни Дима. А вызвать врача – значит сказать, что было. Врач, конечно, пошлет на анализ, раз это желудочное. Анализ – значит, несколько дней, ... И мы отвели Гульку*».

Радость в Ольгиной семье тоже есть, но лишь по выходным. «*Я люблю вечер пятницы: можно посидеть подольше за столом, повозиться с ребятами, уложить их на полчаса позже. Можно не стирать, можно сесть в ванну...*». Ольга радуется детям: «*Вот какие у нас*

красивые дети», зимней воскресной прогулке, семейному неспешному завтраку в субботу, даже находит немного времени почитать и принимается переделывать себе юбку. Только большую часть ее времени в выходные все же занимают домашние дела.

Именно в выходные дни происходит основной конфликт между Ольгой и Димой: сорвавшись от усталости на расшалившуюся дочку и получив замечание от мужа, Ольга не выдерживает и у нее второй раз случается истерика. Дима предлагает ей уволиться с работы и сидеть дома с детьми, но Ольга объясняет, что тогда она потеряет себя: «*Дима, неужели ты думаешь, что я не хотела бы сделать так, как лучше детям? Очень хотела бы! Но то, что предлагаешь ты, это просто... меня уничтожить. А моя учеба пять лет? Мой диплом? Мой стаж? Моя тема? Как тебе легко все это выбросить – швырк, и готово! И какая я буду, сидя дома? Злая, как черт: буду на вас ворчать все время*».

Здесь мы видим борьбу за собственную субъектность, потеря которой очень остро ощущается Ольгой на протяжении всей повести: «*Вдруг на меня накатывает тоскливое желание идти налегке, без ноши, без цели. Просто идти – не торопясь, спокойно, совсем медленно. Идти по зимним московским бульварам, по улицам, останавливаться у витрин, рассматривать фотографии, книги, туфли, не спеша читать афиши, обдумывая, куда бы я хотела пойти, потихоньку лизать трубочку эскимо и где-нибудь на площади под часами, всматриваясь в толпу, ждать Диму*». Ольга постоянно угнетают собственные потребности в пользу потребностей других людей, в первую очередь детей и мужа, в результате испытывает чувство потерянности и тотальную усталость, хотя она и предпринимает попытки позаботиться о себе – в середине недели в обеденный перерыв забегает в парикмахерскую, где ей делают короткую стрижку, которая ей очень идет, что отметили и она сама, и окружающие (коллеги на работе, Дима), а в воскресенье она успевает укоротить себе юбку.

Очень большую и важную поддержку своей субъектности Ольга получает от коллеги Люси Вартановной, которую она называет Люся черненькая. Именно Люся помогает Ольге успокоиться во время истерики на работе в пятницу и рассказывает ей свою историю, которая показывает такие же сложности в совмещении семьи и профессиональных амбиций: «*Мы идем по улице, я рассказываю про трудности с механической и Валей, про разговор с шефом, про Гулькин живот, про срок окончания испытаний – боюсь не успеть. ... Мне от этого уже становится легче... Мне весело оттого, что день солнечный, что мы перегородили всем дорогу, оттого, что нас трое... Оттого, что я не одна*».

Чувство общности, поддержка друзей, технологии кооперации и взаимопомощи (покупки продуктов «на всех» по очереди) оказываются настоящими помощниками молодой семьи, которая выживает только за счет женских усилий.

Однако выживаемость этой семьи, по замыслу автора, поставлена под вопрос. После ссоры с мужем и примирения Ольга просыпается в ночь с воскресенья на понедельник от непонятного чувства тревоги, которое не дает ей дальше уснуть. На этом мы и прощаемся с героиней.

Внутренний конфликт Ольги происходит в первую очередь из-за того, что внешняя среда говорит ей, что у нее есть все для полноценной счастливой жизни. Только при этом она испытывает постоянное напряжение, ее эмоциональный фон крайне неустойчив, у нее хронический недосып и перенапряжение, у нее дважды случается истерика, на работе и дома, а последний сюжет повести – тревожное ночное пробуждение.

Описывая внутренний конфликт главной героини как человека, который вынужден разрываться между двумя ролями матери и «настоящей советской производственницы»,

Наталья Баранская создает язык для выражения эмоциональной составляющей этого внутреннего конфликта. Она не только зафиксировала «сложное положение советской женщины», вынужденной нести бремя двойной нагрузки, навязанное ей меняющимся обществом, но и предложила варианты компенсации этой нагрузки – язык для выражения эмоций и поддержку, прямо проговорив: «ты не одна». Н. Баранская называет не много эмоций: страх, стыд, любовь, азарт, радость, тревогу, тоску, вину, а также называет и описывает истерику. По описанию ситуаций и в диалогах мы можем увидеть раздражение, злость, удовольствие, любование собой, отчаяние, апатию, надежду, обиду. Повесть «Неделя как неделя» – это текст, называющий эмоции обычной женщины своего времени, не осуждает их, не навязывает, только фиксирует и называет и, таким образом, нормализует.

Нормализуется тот факт, что женщина, оказавшаяся перед необходимостью заново выстроить всю систему взаимоотношений внутри семьи, наладить принципиально иной быт в индивидуальном жилье в микрорайоне без развитой инфраструктуры, к которой предъявляются требования быть и хорошей хозяйкой, и хорошей матерью, и перспективным сотрудником, испытывает огромные эмоциональные перегрузки и имеет право на эмоциональные срывы. И значит должна получать помощь.

Предположим, что популярность этой повести, которую фиксирует сама автор и декларируют другие исследователи, была обусловлена именно ощущением поддержки, которую получили советские женщины, читая ее. Так же, как и Ольга, они поняли, что они не одни.

Библиографический список

1. Баранская Н.В. Неделя как неделя. М.: Современник, 1981. 35 с.
2. Баранская Н.В. Автобиография без умолчаний // Границы. 1990. № 156. С. 122–148.
3. Бурылова А.В. Образы героинь повести «Неделя как неделя» Н.В. Баранской и романа «Госпожа Ким Чжи Ен, рожденная в 1982 году» Те Нем Джун в свете гендерной тематики // Сибирский филологический форум. 2021. № 5. С. 66–72. DOI: 10.25146/2587-7844-2021-17-4-103 EDN: HCMCCP
4. Гирц К. Интерпретация культур / пер. с англ. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. 560 с. ISBN: 5-8243-0474-2 EDN: QOCQVP
5. Григорьева А.Г. Решение жилищной проблемы советских граждан в годы «Оттепели» // Теория и практика общественного развития. 2010. № 4. С. 239–241. EDN: NCHRQJ
6. Жидченко А.В. Новый советский город как идеальная модель женской повседневности в 1950–60-е гг. // Современная научная мысль. 2024. № 1. С. 187–190. DOI: 10.24412/2308-264X-2024-1-187-190 EDN: AQMTRR
7. Кашкарова Е. Женская тема в прозе 60-х годов: Наталья Баранская как зеркало русского феминизма // Все люди сестры. Бюллетень ПЦГИ. СПб, 1996. № 5. С. 57–69.
8. Лебина Н.Б. Мужчина и женщина: тело, мода, культура. СССР – оттепель. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 208 с. ISBN: 978-5-4448-0798-9 EDN: TDSFAV
9. Плант К., Натанс Б. Социалистическая по форме, неопределенная по содержанию: позднесоветская культура и книга Алексея Юрчака «Все было навечно, пока не кончилось» (авторизованный пер. с англ. Н. Мовниной) // НЛО. 2010. № 1. С. 167–184. EDN: MTDXWF
10. Пушкирева Н.Л. Гендерная система Советской России и судьбы россиянок // НЛО. 2012. № 5. С. 8–23. EDN: PFSTCP
11. Февр Л. Чувствительность и история // Бой за историю. М., Наука, 1991 С. 109–125.